

Братский визит

Кузница Гефеста приглашала зайти своей распахнутой настежь дверью, но грохот молота и снопы искр предупреждали, что хозяин может и не обрадоваться незваному гостю. Аполлону, однако, было не до церемоний. Требовалось убедить кузнеца перебазироваться со Священной горы Меру на Этну, где в подземных шахтах ковалось сверхмощное оружие.

Что стоит Гефесту проверить свои старые мастерские, да заодно приструнить циклопов, которым было поручено – всего-то! – ковать стрелы, а те, похоже, увлеклись и решили их испытать.

Недавний визит в Дельфы, куда бог Света летал для установки Омфала, заставил его пожалеть о небрежении, проявленном к опасному своему изобретению. Стрелы нового поколения разрабатывались Аполлоном совместно с Гефестом, но волею Зевса, массовое производство оружия было поручено циклопам. О том, что кто-то балуется с не апробированным еще оружием, бог Света понял по характерному

следу в небе и дымам, охватившим Этноу. Кое-где и Олимп дымил. Совсем неладно, если к стрельбам причастен их младший братец, воинственный Арес. Выпросив у отца титул бога войны, он теперь играючи может превратить обыкновенные полевые испытания в настоящее побоище.

Однако земные события, как обычно, свивались в тугой клубок. Заметив с высоты Небес стычку Геракла с верным стражем Дельфийского храма, Кикном, бог Света резко переменил планы. Истекающего кровью стражника пришлось срочно превращать в птицу, поскольку иным ходом он бы до Гипербореи не дотянул, а вернуть смертного к жизни в прежнем облике можно было лишь в лабораториях Закрытого города Туле. Бросить без помощи Друга и Ученика, чтобы проверить, кто там шалит со стрелами, бог Света не мог и не хотел.

Произведя необходимые процедуры и убедившись, что Кикн адекватно воспринимает происходящее, Аполлон оставил его, дав надлежащие инструкции, а сам отправился на Меру, надеясь упросить Гефеста вернуться к старому проекту.

Кузнец со Священной горы Меру пользовался серьезным авторитетом среди циклопов и прочих древних существ, поэтому одно его появление пресекало бы опасные игры. Кроме

того Гефест достаточно осторожен и вместе с тем смел, чтобы доложить обо всем Зевсу, не разозлив при этом Громовержца.

Брата Аполлон застал за его любимым занятием. В неизменном своем фартуке, прожженном до дыр, Гефест размахивал молотом, и искры осыпали его, как небесная звездная пыль.

– Придется, тебе, брат, слетать на Этну, что там циклопы разбушевались, – без долгих предисловий начал Аполлон, перекрикивая шум горна. – Я только что из тех краев. Этна пыхтит, вот-вот взорвется, да и над Олимпом небо нечисто. Я думаю, уж не вздумал ли кто опробовать новое оружие. Арес вполне мог циклопов на стрельбы подбить.

– А что ж ты сам-то их не приструнил? – откинув молот, Гефест хлопнул брата по спине так, что тот покачнулся.

– Да на мне был один умирающий лебедь, еле дотащил его до Туле. – Лохматые брови кузнеца изумленно поползли вверх, и Аполлон добавил с улыбкой: – Геракл моего любимого ученика подстрелил, пришлось превратить его в лебедя, чтобы доставить в лабораторию.

– Что ж ты не научил своего ученика защищаться? – иронично молвил Гефест. – Он ведь наверняка из смертных. Им тяжело в миру.

– Кикн был вполне обучен, – пожал плечами Аполлон.

– Геракл подстрелил Кикна, сына Ареса? – еще больше изумился Гефест. – Но парень сам не промах. Помнится, он с детства был ловок и сметлив, да и Арес, чему-чему, а драке мог его обучить. Да он и шлем для Кикна заказывал, а мои шлемы не для простого смертного.

– Кикн и не был простым смертным, – улыбнулся Аполлон. – Правда, по молодости лет, он больше разбойничал. И надо сказать, возглавляемая им банда была грозой округи, но потом парень стал верным моим помощником и учеником.

– Да, Гераклу лучше под руку не попадаться, любого сокрушит, – равнодушно бросил кузнец. – То детей своих порубает, то пташек, ни в чем неповинных перестреляет. Кстати, заberi птиц-то, – Гефест указал рукой в дальний угол, где сидели, нахохлившись, две громадные двуглавыe птицы. – Оперенье, костяк я поправил, а тонкую настройку сам доводи.

– В них заложена программа хищной птицы? – смущенно пробормотал Аполлон, совсем позабывший за делами, что сестра его, Артемида, просила Гефеста перековать раненую Гераклом птицу в оберег для Гипербореи.

– Проверь, я не очень в этом смыслею, – пожал плечами кузнец. – Одну я для Ареса сделал, она посвирепей, а другую по заказу Артемиды – эта смирнее, но тоже в обиду себя

не даст. Одним словом, обе постоять за себя могут. Им же как-никак на Земле жить, а тут надо уметь защищаться.

– Зачем мне птица Ареса? – попытался уклониться от поручения Аполлон, которому во все не хотелось снова лететь лебедем, да еще в компании двуглавых птиц. Лучше отпусти обеих. Пусть летят, куда хотят.

– Да они никуда не хотят, – махнул рукой Гефест. – Пригрелись тут. Видишь, сидят, милуются. Только птенцов мне и не хватало...

Аполлон рассмеялся, заметив, что громадные птицы действительно воркуют, словно голуби, сплетаясь всеми четырьмя своими шеями:

– Вот и прекрасно! – воскликнул он. – Постерегут твою кузню, пока ты на Этну летаешь. Птица, охраняющая свое потомство, саблезу-бого тигра заключет.

– А ты уже точно знаешь, что я лечу на Этну? – беззлобно огрызнулся Гефест. – Если Арес там, пусть он и отвечает, в конце концов, он – бог войны, и больше нас с тобой заинтересован в сохранности стрел. А то – я и птиц ему чини, и доспехи в порядок приводи, да еще и за оружием приглядывай. Что-то больно хитер стал наш вояка. И тебя успел к делу приспособить. Ты его сына спасаешь, а он стрельбами тешится? Как Арес вообще мог допустить, чтобы Геракл на мальчишку напал?

– Кикна, можно сказать, Арес и подставил, вначале подстрекал сына к бою, а когда тот пал, и не подумал прийти ему на помощь, – вздохнул огорченно Аполлон.

– Вот и пускай следит теперь за циклопами, а потом сам перед Зевсом отчитывается, – сделал еще одну попытку избавиться от неприятного дела Гефест. – Арес все равно мотается туда-сюда, разрываясь между Меру и Олимпом, а вернее – между матерью и отцом. Зачем нам брать на себя его заботы? Ты сына его лечишь, а я возьмусь циклопов усмирять?! Так они ни в чем не виноваты! Бедняги трудятся не покладая рук, а что стрелять начали, так, скорее всего, по приказу Ареса, а то и самого Зевса.

– В твоих словах есть резон, – вздохнул Аполлон. – Но именно активность Ареса меня и беспокоит. Если он своего сына не пожалел, спровоцировав стычку с Гераклом прямо возле Дельфийского храма, что ему стоит затеять войну на Олимпе? Запросто убедит Зевса, что делает это исключительно в охранных целях. Ведь там до сих пор полно гигантов, испокон веков считающих земли от Халкидики до Фессалии своими, как, впрочем, и все пещеры на Олимпе, поскольку вырыты они их собственными руками. Не хватало, чтобы он начал по ним лупить! Ты сам знаешь разрушительную силу нового оружия. От Олимпа тогда мало что останется.

– Ничего я не знаю, – буркнул Гефест. – Я только первую партию выковал, а потом все на Этну перетащили.

Однако рассудительный Гефест сознавал, что Аполлон в целом прав. Не только древние гиганты, но и не склонные к рефлексии великаны упорно не признавали за богами права на исключительное владение Олимпом. Великаны предпочитали селиться в укромных пещерах, а охотились в долинах и на лесистых склонах. Но эти буйные парни были большими любителями подраться, и иной раз, увлекшись погоней, забирались выше облаков. Тогда на резиденцию Зевса обрушивался град камней, случалось и горячей головешке в окно залететь. Зевс, конечно, отпугивал драчунов парой-тройкой прицельных молний, а то и камнепадом вниз скидывал, но эти древние существа не ведали страха, да и память у них была коротка.

Приходилось признавать, что не только Аполлон, но и Арес прав – надлежащей охраны на Олимпе действительно не было.

– Возьми под контроль хотя бы хранение оружия, я ведь не прошу следить за технологией или уличать в чем-то циклопов, – умоляюще заглянул Аполлон брату в глаза. – Я и сам не уверен, что к стрельбам не причастен Зевс. И не ссылайся на меня в разговоре с отцом, сам знаешь, как он ревнив и подо-

зрителен. Еще усмотрит, как обычно, заговор. И вообще Зевс считает, что новые стрелы – целиком его детище... мы с Афиной смирились и не спорим. Кстати, тебе вовсе не обязательно на Этне торчать, слетай для начала на Олимп, там все разузнаешь, и отца вразумишь, что реактивные снаряды – это не игрушка! Я не для того держу Туле закрытым, оберегая людей от лучистой энергии, чтобы на Олимпе в ход пошло ядерное оружие...

Для Гефеста явилось новостью, что термоустойчивые ракеты, первые образцы которых ковал он в этой самой кузне, начинены, оказывается, ядерными зарядами, однако бог огня благоразумно промолчал, рассудив, что это не его дело.

– Отстранив нас, Зевс взял на себя всю ответственность... – недовольно проворчал кузнец, примирившись с необходимостью лететь на Олимп, а, возможно, и на Этну, но Аполлон перебил брата:

– Зевс всегда готов взять на себя ответственность, но хотелось бы видеть, что он сам ее и несет! А когда он, скидывая эту ответственность, опрокинет Земной шар, нам придется все начинать с начала.

Гефесту стало жалко брата, с мнением которого не очень-то считаются на Олимпе, если додумались начать стрельбы, даже не опове-

стив его и не пригласив, хотя бы в качестве наблюдателя.

– Ладно, братуха, не горюй! Помогу, чем смогу, – притянул он к себе сияющую голову Аполлона. – Но я бы начал не с циклопов, а с Ареса. Кстати, можешь с ним пообщаться, он здесь, у Геры во дворце. Хотя по мне, так лучше воевать с гигантами или драться с циклопами, чем амброзию с нашей мачехой кушать. Ущербу меньше.

И братья дружно рассмеялись.

В путь-дорогу...

Гефест неторопливо укладывал в дорожную суму самое необходимое. Обычно он пускался в путь налегке, поскольку мог изготовить любую вещь из подручных материалов, а добыть огонь и соорудить горн – это для кузнеца просто пара пустяков. Кроме того, он мог воспользоваться и древними кузнями под Этной.

На Этне испокон веков трудились циклопы, древнейшие обитатели Земли, а помогали им гномы – создания не менее древние, но куда более хитрые и изворотливые. Приняв верховенство Зевса, гномы, по старой памяти, прислуживали и титанам, а поскольку эти неприметные вежливые создания никогда не роптали, добросовестно выполняя любой приказ, никому и в голову не приходило обвинять их в двурушничестве.

Циклопы также не забыли родства с титанами, и у Зевса, естественно, находились под подозрением. Но среди смертных мало находилось тех, кто мог работать в условиях сверхвысоких температур, и от услуг этих древних существ невозможно было отказаться. Обычный человек,

и даже сын бога, с трудом выносили жар подземных печей, тогда как циклопы, играючи, перепрыгивали с одного края огнедышащего жерла на другой. Нраву они были буйного и веселого, а в быту – крайне неприхотливы.

Бывало, расшались, и один, шутки ради, сталкивает другого в пышущую огнем бездну. Вот хохоту-то стоит над горой! Бедолага пульей выскакивает из огненной купели, кидаясь в обидчика кусками дымящейся лавы и вопя:

– На тебе, братец, пирожка от тетушки Гекаты! С пылу с жару, смотри не подавись! А я, пожалуй, в травке поваляюсь. А то придется в каменных штанах ходить, пока новой кожей не обрасту.

И он кубарем катился вниз, в долину, сбивая с ляжек огонь.

Чумазные гиганты гоготали в ответ, вызывая камнепад, и все заканчивалось дружеским застольем, поскольку возвращался обгорелый гигант, не только обильно смазанный курдючным жиром, но и волоча за задние ноги овцу, а то и двух.

Работники, однако, они были отменные, задания выполняли точно и в срок. Закаленные керамические трубы и металлические болванки летали в их руках, как перышки. Тонкая работа по сборке и начинке стрел горючими материалами поручалась, как правило, гномам.

Поначалу предполагалось, что реактивные стрелы будут изготавливаться под непосредственным руководством Гефеста, а за испытаниями будет следить Аполлон. Но сын Лето не питал страсти к оружию. Лучезарная титанида с детства обучила детей воздействовать одной лишь силой мысли и взгляда, что им и удавалось вполне. Так, сестре своей, Артемиде, Аполлон мог внушить любую мысль, на сколь бы удаленном расстоянии она ни оказалась, а простого смертного, случайно забредшего в закрытый город Туле, он мог взглядом и убить. Так же умело пользовалась взглядом и Артемиде.

Стрелы нового поколения задумывались Аполлоном как транспортное средство, способное преодолевать пояс синих струй, однако Зевс раскритиковал замысел сына, считая грозовой пояс исключительно своей трассой. Аполлон не стал спорить, он просто уклонился от дальнейшего участия в проекте, перепоручив контроль Афине, более склонной к забавам с оружием.

Присутствие Ареса вовсе не предусматривалось, но бог войны всегда оказывался тут, как тут, если дело пахло порохом или другими взрывчатыми веществами. Побаловаться пиротехникой он любил с детства, главным образом для того, чтобы привлечь внимание матери. Пусть и отругает, зато заметит! А тут такая удача! С тех пор как Зевс зачастил на Олимп,

разместив там свою новую резиденцию, место это стало весьма популярным среди богов, а значит, там было перед кем покрасоваться, а если повезет, то и заслужить награду отца.

Афина, избегая лишних конфликтов с отцом, проявила все-таки свойственную ей предусмотрительность. Опасаясь, что оружие полностью перейдет под контроль Ареса, а тот устроит стрельбы прямо на склонах Этны, богиня поручила присматривать за процессом мудреца Кекропа, издревле ей покровительствующего. Кстати, именно Кекроп и посоветовал закалять керамические части оружия в жерле вулкана. А поскольку вулканы питались энергией из топок Преисподней, древний старец тут же доложил об этом Аиду.

Прослышав о том, что новое оружие будут отливать практически в его владениях, Владыка Преисподней немедленно заявил о своих претензиях на участие в проекте. Надо признать, Аид имел на то основания, и не только потому, что основной горн располагался в боковом выходе из Преисподней. Ведь всем известно, что любое оружие только для того и создается, чтобы прибавить забот помощникам Аида. А Нижние миры и без того были переполнены.

Зевс, однако, отказал брату в его законном требовании, и тогда Аид принялся всячески мешать работе циклопов – то сбавит жар

подземных печей, и гномы, сколько ни трудятся, не могут добиться нужной температуры, то склоны жерла обрушит, утащив вместе с породой дюжину новеньких стрел. А против подземных испытаний Владыка Преисподней воспротивился категорически, грозя вообще закрыть жерло, через которое, мол, улетает слишком много редкоземельных элементов, необходимых ему самому, а прилетают только обгорелые, как чурки, буйные дикари.

Вот тут Арес и проявил рвение. Под предлогом, что Аид мешает процессу, он убедил отца в необходимости переместить стрелы на Олимп. Что тот и сделал с превеликим удовольствием, тем более, что ему самому не терпелось опробовать новые изделия.

Олимп был излюбленным местом богов, но прилетали они туда со Священной горы Меру, чтобы поразвлечься и отдохнуть, а посему наличие практически не апробированного оружия, сваленного кое-как в пещерах, где отдыхали в жаркий полдень барсы, да пережидали непогоду пастухи, могло представлять определенную опасность.

Зевс, однако, удовлетворился заверениями Ареса о надежности хранилищ и о безопасности стрел. Но главное – им обоим хотелось пострелять. Это опасное предприятие до поры до времени сдерживала гостя Зевса, Немесида.

И не потому, что богине возмездия достаточно было хлыста и меча, чтобы управляться с людьми, просто Зевс больше интересовался прелестями своей гостью, чем дальностью полета ракет, а посему сомнительные игрища все откладывались и откладывались.

Все это поведал Гефесту Аполлон, озадачив тем, что стрельбы все-таки начались. Спасая Кикна, бог Света увидел с высоты птичьего полета, что небо над Олимпом изрезано белыми шлейфами, а сама гора дымит. Гефесту без пояснений стало ясно, что пора в дорогу, иначе беды ни миновать. Ведь надежной защиты над Олимпом, в отличие от Священной горы Меру, пока нет.

Работа в кузнице приучила Гефеста к осторожности, особенно в обращении с огнем, оружием и словом, которое он тоже считал оружием. А посему словами кузнец не бросался, а оружие всегда держал подальше от шаловливых рук, памятуя, как Эрот, тогда еще совсем малыш, балуясь с боевым луком, чуть не прострелил насквозь Аполлона.

Аполлона и улетевших с ним птиц-оберегов уже и след простыл, а Гефест все перебирал инструменты и разные поделки. Отделить нужное от ненужного оказалось нелегко. Одолевали предчувствия, что оставленное здесь, он потеряет навсегда.

«Ну, как не взять любимые щипцы? Хотя... зачем они мне на Этне, а тем более – на Олимпе? А если потребуются, можно новые выковать... впрочем, как говорится, все свое носи с собой». – Вспомнилась одна из присказок Афины, которыми богиня щедро одаряла своих подопечных.

Гефест и раньше замечал, что едва начинаешь сомневаться, на помощь приходят бесчисленные поговорки, придуманные Афиной и Прометеем в качестве наставлений для людей. Со временем пословицы эти стали так популярны, что авторство забылось, однако кузнец точно знал, что запустили их в Нижние миры в качестве нравочений, доступных самому примитивному уму, первые учителя людей. А придумывались эти простецкие по форме и такие емкие по смыслу выражения зачастую у него в кузне, за дружеской беседой, да кубком доброй амброзии. Артемида, не склонная к юмору, и та порой могла всех насмешить.

Аполлон как-то блеснул очередным афоризмом: «Век живи – век учись». А сестра его подхватила: «а умрешь дураком!» – и все расхохотались. Бессмертных богов эта истина, разумеется, не касалась, но закрепилась основательно. Сам Гефест острословом не был, зато при внешней суровости был много чувствительней своих братьев. Вот и сейчас он так

расчувствовался от нахлынувших воспоминаний, что на глаза навернулись слезы.

«Как весело, как дружно мы тогда жили, во всем доверяя друг другу, радуясь каждой новой идее, каждому удачному решению. И все изменилось в одночасье после того злосчастного инцидента с Прометеем, нет, еще раньше, после победы Зевса над Кроном. И война с титанами, по сути, началась тогда. Тем пуще надо хранить то, что осталось от добрых старых времен. А осталась дружба с Аполлоном, Гермесом, Артемидой и даже с горячкой Афиной. И на этот случай есть подходящее выражение: «старый друг лучше новых двух», – вздохнул Гефест, засовывая инструмент в дорожный мешок. – Хочешь, не хочешь, на Олимп лететь придется, раз брату обещал. И щипцы старые еще послужат... – и тут кузнеца осенило: – А почему Аполлон не прибег к услугам Гермеса? Ведь тот, как никак, – вестник Зевса, и ему куда сподручней улаживать щекотливые ситуации. Тем более что Гермес здесь, на Мере, тешится в объятьях моей бывшей супруги».

Нежданный гость

Гермес не без труда избавлялся от обволакивающих чар богини любви. Он уже несколько раз придумывал вполне убедительные поводы, чтобы улизнуть из дворца Афродиты, полного памятных безделушек и милых ее сердцу предметов, однако до осуществления задуманного дело не доходило. От обилия полу увядших цветов в покоях стоял удушающий аромат, а просторные залы, заставленные резной, кованой и плетеной мебелью, производили впечатление захламленных и тесных.

За пестрыми шелковыми ширмами прятались вороха нарядов невысказанных фасонов и расцветок, но выбросить все это великолепие было выше ее сил. Впрочем, и найти что-то стоящее, как утверждала Афродита, роясь в груды разноцветных туник и накидок, не представлялось возможным. Приходилось изобретать новые одеяния, чего Гермес вовсе не выносил, предпочитая, чтобы богиня любви порхала вокруг него полуобнаженной, сводя его с ума.

Иной раз ему казалось, что Афродита с упоением облачается во все эти шелка, кружева и атласы только для того, чтобы ему захотелось поскорее их с нее скинуть.

Гермес, обожающий простор и воздух, не раз пытался освободить дворец от ненужного хлама, однако встретил решительное сопротивление своей капризной подруги. Он все больше подозревал, что и сам становится таким же привычным предметом – не особенно нужен, но и выбросить жалко.

Вещи, которые богиня любви столетиями не замечала и никогда ими не пользовалась, обретали в ее глазах немыслимую ценность, едва она осознавала, что может лишиться их. Что-то напоминало о счастливых днях, когда она командовала Гефестом, заставляя его перестраивать в сотый раз дворец; что-то – о страстных ссорах с Аресом, всегда заканчивавшихся столь же страстным примирением. Попадались и полуистлевшие вещи, которые хранились как память о земном госте Адонисе, умевшем порадовать богиню милыми безделушками. А вепря, который смертельно ранил Адониса, Гермес просто на дух не переносил, подозревая, что его земной соперник сам все это подстроил, чтобы быть принятым в сонм богов.

Гермес не был ревнив, но тут сама обстановка поощряла к ревности. Зловредный вепрь так

и норовил зацепить своим медным клыком, а нелепый кованый сундук, всегда с откинутой крышкой, еженощно перегораживал проход в спальню. Казалось, они сами ревновали хозяйку дома к гостям.

– Скажи на милость, зачем тебе этот саркофаг, если он стоит абсолютно пустой? – Кричал, прыгая на одной ноге, Гермес, в который раз налетев на угол кованого сундука, явно работы Гефеста.

– О, это, пожалуй, уже антиквариат! Очень ценная вещь! – Отзывалась с балкона Афродита, даже не удосужившись обернуться. – Не ревнуй, мой милый! Гефест изготовил его задолго до свадьбы. Мы вместе осматривали недостроенный дворец, но ты же знаешь, я все время что-то роняю, а ему, в силу его увечья, неудобно наклоняться, чтобы подбирать за мной, вот он и выковал сундук, чтобы вещи не валялись, где попало, а хранились, как положено. Еще и шкаф обещал построить, но тогда мы уже разошлись. Кстати, надо будет напомнить.

– Но у тебя рядом со спальней гардеробная, а ты все равно разбрасываешь наряды, где попало, – упорствовал Гермес, выходя на балкон, чтобы не говорить в пустоту дворца, отзывающуюся насмешливым эхом: – «пало, пало, пало». – Смотри, твои накидки даже внизу, под балконом валяются.